

Б. Н. КАШНИКОВ

Демократия как возможная судьба России

Размышляя о судьбе России, Н. Бердяев говорил о череде катастроф, сотрясавших страну на протяжении всей ее истории и ставших ступенями ее социального и духовного развития. Результат каждой из таких катастроф — разрушение старой и рождение новой России. Заглядывая в будущее, философ предвидел неизбежность гибели России коммунистической и рождения новой, еще неведомой России [1].

Сейчас Россия переживает одну из тех катастроф, при которой гибель прежнего общественного устройства сопряжена с утверждением нового, возможно лучшего, устройства. Какой будет Россия, в конечном итоге зависит от того, каковы мы сами.

Эта мысль стала лейтмотивом Российско-американского симпозиума под названием «Основы гражданского общества: американские демократические традиции и российский опыт». Симпозиум проходил в столице американского штата Огайо — Коламбусе с 27 июня по 14 июля 1995 года и явился одним из этапов совместного исследовательского проекта Центра социально-политических исследований им. Маршана при университете Огайо и Института философии РАН. Общее название проекта «Россия и США. Демократия. Традиции и перспективы».

Настоящая статья не является хроникой симпозиума, она представляет собой изложение моих личных впечатлений и размышлений.

Проблема, рефреном проходившая почти через все доклады и звучавшая в ходе обсуждения, — это судьба России. Новую судьбу страны многие связывают с демократией. Может ли демократия стать судьбой России, и если может, то не будет ли цена чрезмерной? Наконец, нужна ли демократия России? Проблемам демократии и ее перспективам в России и посвящена данная статья.

Демократия, цивилизация, будущее

Идея демократии. Профессор университета Огайо Э. Олденквист так определил идею демократии: это власть для народа посредством самого народа, которая конкретизирована в системе институтов и процедур, поддерживаемых законом и Конституцией. Важнейшее из них — права человека, система разделения властей и механизм регулярных выборов.

Одна из наиболее известных черт демократии — так называемое правило большинства, часто приводящее к тирании последнего. И хотя большинство далеко не всегда оказывается правым, более того, оно способно принимать неверные и вредные решения, ценность свободы, связанной с этим правилом, выше мудрости решений, принимаемых элитой в условиях отсутствия демократии.

Сцилла и Харибда демократии — чрезмерные свобода и равенство. Чрезмер-

ная свобода разрушает основы сотрудничества и взаимопонимания в обществе, чрезмерное равенство грозит инициативе и творчеству.

Режим демократии требует определенной культуры, которая представлена ценностями свободы и равенства, однако Олденквист убежден в приоритете институтов и процедур, способных создавать соответствующую культуру. Россия в этом смысле не исключение: не было еще страны, которая не знала бы деспотизма и которая не могла бы соблазниться преимуществами демократии.

В целом позиция Олденквиста оптимистична с точки зрения перспектив демократии в России, однако идеи о демократии как самоценности и о всеисилии демократических институтов в установлении режима демократии вызывают сомнения.

Демократия и путь развития цивилизации. В докладе профессоров В. Степина и В. Толстых был дан исторический, социологический и футурологический анализ демократии. Демократия рассматривалась ими как цивилизационная инновация, подобная открытию колеса или ЭВМ. По их мнению, смысл демократии можно понять лишь в контексте исторического прогресса цивилизации от традиционного к техногенному типу и от техногенного к неведомому еще типу цивилизации, связанному с постиндустриальным обществом. Очевидно, высокие темпы экономического, научного и технологического развития и связанное с ними высокое качество жизни однозначно предполагают демократию, и потому недемократические общественные системы в ближайшем будущем обречены на отставание и историческое прозябание.

Проблема, однако, заключается в том, в какой степени человечество сможет сделать выбор перед лицом цивилизационной дилеммы. Придет ли оно в XXI век, сохранив в неприкосновенности ценности индустриального общества, или предварительно обогатится благодаря широкому диалогу культур. Соответственно, судьба демократии может быть различной. В первом случае демократия превратится в расхожий идеологический штамп и даже приманку для наивных представителей традиционных и индустриальных обществ, а человечество разделится на «касты» по качеству жизни народов. Низшие будут оплачивать высокое качество жизни высших, размещая на своей территории вредные технологии и поставляя природные ресурсы. Но в этом случае судьба демократии и у высших неизбежно будет плачевной. Демократические нормы и институты постепенно утратят свое содержание, станут прикрытием авторитарных способов правления. Теневая власть финансовых и иных олигархий, манипулирующих общественным сознанием (современные информационные средства открывают для этого широкие возможности), заменит власть народа и внушит ему цели, совпадающие с собственными.

Столь безрадостной перспективе противостоит иная, гуманистическая. Здесь сценарий постиндустриальной цивилизации предполагает преодоление неравномерности развития, отказ от потребительских ценностей, введение энергосберегающих технологий, ориентацию на культуру и сохранение природы, духовное развитие людей, информационный обмен в планетарном масштабе. В рамках этой перспективы демократия наполняется гуманным содержанием.

Однако вопрос «куда?» остается открытым. Авторы оставляют равные шансы человечеству идти по тому или иному пути. Такая неопределенность перспектив и связанная с ними прямо противоположная роль, отводимая демократии, превращают современных сторонников демократии в заложников истории, а их усилия очень сильно напоминают игру в русскую рулетку.

Культура демократии. Очевидно, наиболее надежная гарантия сохранения демократии — наличие соответствующей культуры. Об этой таинственной культуре говорили практически все выступавшие, но в докладе профессора Д. Куппермана данная проблема была центральной.

По мнению Куппермана, культура демократии сводится к определенным ценностям и образцам общественного поведения. В основе этих ценностей лежат ценности свободы и равенства, без широкого распространения которых в обществе не может быть демократии. Ценности свободы традиционно ассоциируются с демократией, о чем свидетельствует сам термин «либерально-демократический».

Однако Купперман обратил внимание на важность аспекта этой ценности, связанного с понятием «позитивной свободы». В то время как необходимость и важность «негативной свободы» для демократии никогда ни у кого не вызывали сомнения, а «негативная свобода», как правило, отождествлялась со свободой вообще, место «позитивной свободы» в демократии преуменьшалось. Проблема заключается в том, что «позитивная свобода» весьма трудно определима, и, самое главное, ее провозглашение нередко становилось благовидным предлогом для отказа от индивидуальной свободы как таковой.

Если «негативная свобода» определяется как отсутствие внешнего принуждения, то «позитивная свобода» предполагает способность индивида распорядиться своей свободой. «Негативная свобода» легко принимает антиобщественные формы и не может быть фундаментом общественной связи. «Позитивная свобода» основывается на соучастии индивида в общественной жизни и его сопричастности. Соответственно культура демократии в рамках «позитивной свободы» предполагает широкое участие индивида в общественной жизни и ответственность. Действительно, Алексис де Токвиль в знаменитой книге «Демократия в Америке» писал о распространенности в Америке всевозможных общественных добровольных объединений и различных форм гражданского участия в принятии решений на уровне местного самоуправления.

Другой важной стороной культуры демократии Купперман считает распространенность такой ценности, как равенство. Об этом чувстве также писал де Токвиль. Оно присуще американцам и в настоящее время и связано не только с большой ролью, которую играет в Америке средний класс. Демократический дух Америки создает поведенческие нормы, запрещающие кичиться своим богатством или статусом, предполагает разные образы жизни, каждый из которых не претендует на преимущество над другими.

Наряду с этим Купперман говорил и о прочих составляющих культуры демократии, к числу которых относятся готовность армии подчиниться гражданскому правительству, уважение к закону и порядку в обществе. Америка в этом смысле — благодатный пример того, как культура демократии может быстро создаваться. Еще сравнительно недавно на просторах Северо-Американского материка господствовал «суд Линча», ковбои грабили почтовые поезда, но благодаря усилиям мужественных шерифов и добродетельных граждан были установлены закон и порядок. По мнению Куппермана, культура демократии в значительной степени связана с культурой воздержания, восходящей, в свою очередь, к протестантизму.

Рассмотрение проблем демократии через соотношение понятий свободы и равенства традиционно для англоязычной традиции. Либертарная традиция при этом делает акцент на ценности свободы, а социалистическая — на ценности равенства. Между тем демократия, как и любая иная общественная система, возможна лишь как гармоническое сочетание ценностей свободы и равенства. Думаю, социальная справедливость есть не что иное, как представление о балансе этих противоречивых, но неразрывных ценностей. С одной стороны, ценность свободы, которая предполагает зло неравенства, с другой — ценность равенства, которая предполагает зло несвободы. Существо всех споров вокруг социальной справедливости сводилось к нахождению должного баланса свободы и равенства.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на методологию анализа общественных процессов, предложенную А. Гусейновым. По его мнению, общество может быть рассмотрено через призму принадлежащих Аристотелю понятий «уравнивающая» и «распределяющая» справедливость, которые различаются своей диспозицией. В первом случае это исходное равенство индивидов в определенных общественной структурой аспектах: равенство перед законом, судом; равенство стартовых возможностей, прав и обязанностей; и т. д. На этом фундаменте держатся незыблемое достоинство личности и права человека. Распределяющая справедливость связана со свободой индивида в выборе форм и способов жизнедеятельности, которые получают общественную оценку и подлежат воздаянию как в положительном (награда), так и в отрицательном (наказание) смыслах.

Эта идея предполагает возможность разработки инструментария социологического исследования с набором объективных характеристик состояния равенства и неравенства для каждого конкретного общества.

Демократия как угроза свободе. В докладе профессора Я. Нарвесона демократия предстала перед «судом» свободы. Поскольку демократия — не более чем одна из форм государственного устройства и отнюдь не ценность сама по себе, она должна еще доказать свое соответствие основным ценностям, главная из которых — свобода. По мнению Нарвесона, угроза свободе вполне может исходить и от демократии. Общеизвестный порок демократии заключается в возможной «тирании большинства». Однако Нарвесон видит в демократии также и опасность для свободы большинства. Суть этой угрозы — в бюрократизации демократической государственной машины. В этом смысле демократия вполне может разделить судьбу социализма, предсказанную в известной работе М. Джиласа «Новый класс». Низкий уровень знаний, с одной стороны, и соблазн эксплуатации сограждан — с другой, делают подобную судьбу демократии вероятной.

Доклад Нарвесона перекликался с докладом профессора Куппермана, в котором, хотя и не столь резкой форме, звучала тревога за судьбу демократии. Но если у Куппермана тревога связана с нежеланием граждан проявить себя в плане «позитивной свободы», т. е. участвовать в добровольных общественных объединениях и формах местного самоуправления, то источник опасений Нарвесона иной. Он, скорее, связан с растущим страхом сограждан перед «негативной свободой» («бегство от свободы»), готовностью большинства довольствоваться гарантированным минимумом благ, распределяемых бюрократами из общественных фондов потребления, при явном нежелании искать эти блага на рынке. В выигрыше остаются не рядовые граждане, а бюрократы, преумножающие свою власть и влияние.

Думаю, с немалым успехом демократию можно было бы поставить перед «судом» равенства, справедливости, а может быть, и каких-то иных ценностей. Подобное развенчание демократии очень полезно для россиян при их склонности к вере в земной рай, подмеченной еще П. Новгородцевым в работе «Об общественном идеале». Есть все основания полагать, что эсхатологическое содержание коммунизма ныне успешно перекочевывает к демократии, точно так же понимаемой не только как земной рай, цель построения которого оправдывает средства, но и как последний критерий нравственной оценки.

Демократия и права групп. В докладе профессора У. Кумлики содержались важные дополнения к либеральной теории, имеющие непосредственное отношение к проблемам демократии в России. В традиционной либеральной теории права групп рассматривались в лучшем случае как нечто, не имеющее к ней никакого отношения или даже противоречащее правам личности. Кумлика считает права групп необходимым условием индивидуальных свобод и справедливости в обществе.

Главным в концепции Кумлики является понятие этнокультурных групп. Именно они, а не индивиды — основные «кирпичики» общества. Вопрос об отношении государства к этнокультурным группам означает: поддерживать или нет? Речь идет о том, какие группы поддерживать. Ни одно государство (этническое или социальное) не может обойтись без социальной культуры, меры по развитию которой (государственный язык, иммиграционная политика и др.) создают преимущества для определенной этнической культуры и этнокультурной группы (групп).

По этой причине с точки зрения либеральных ценностей права этнокультурных групп, оказавшихся в меньшинстве, также следует оберегать, будь то национальные группы или группы эмигрантов. Им должно быть предоставлено право развивать свою культуру в разнообразных формах, вплоть до формирования особой социальной культуры в рамках государства. Опыт Европы и Америки свидетельствует о возможности существования государств с двумя (Канада) и более (Швейцария) социальными культурами.

Кумлика подошел к проблемам, которые сознательно игнорировала либераль-

ная теория ввиду их очевидного неудобства. Это нация и национальное государство как единственно возможное для индивидуальных свобод пространство. Но есть немало и других, очень неудобных для либеральной теории проблем: совместимость определенных этнокультурных групп в рамках единого государства; существование этнокультурных групп-паразитов и криминальных этнокультурных групп; иррациональная ненависть одной этногруппы к другой; наконец, наличие этногрупп, культура которых враждебна правам человека.

Эти проблемы продолжают бросать вызов либеральной теории, и именно они составляют поле практических задач для России.

Проблемы становления демократии в России

Демократия в истории России. В центре исследования профессора В. Кантора — работа «культурно-исторического механизма», изучение типа исторического процесса в России с точки зрения участия народа в управлении страной.

Кантор подходит к проблеме через традиционные для русской философии понятия «народ» и «власть». Народ (в соответствии с известной характеристикой П. Чаадаева) равнодушен к природе власти, чужд идее законности и права, готов поддерживать наиболее деспотичную и самую неправую власть. Власть деспотичная и «криминальная» опирается на народ и его же нещадно эксплуатирует. Страну время от времени потрясали бунты, как правило, в том случае, когда власть переставала быть деспотичной и криминальной, проявляла слабость. Тогда народ бросал все силы на установление твердой и жестокой централизованной власти. Последний раз это произошло в 1917 году, когда народ изгнал из страны обладавшее политическими правами дворянское сословие, истребив заодно почти весь образованный слой.

Последняя часть доклада Кантора под названием «Нынешние шансы» выглядит весьма легковесно, поскольку шансы сводятся к «шутке истории». Автор связывает эти шансы со сталинско-брежневской школой формального волеизъявления. Думаю, исследование Кантора — это философско-литературное эссе в традициях известных рассуждений о «таинственной русской душе». Наделяя русский народ некими изначальными метафизическими свойствами, автор отказывается от социологического анализа и переходит в область мифотворчества.

Между тем необходим ценностно-социологический анализ обстоятельств, при которых совершался выбор системы правления. Может оказаться, что народ не так уж стремился к деспотической власти, но в конкретных условиях российской действительности выбирать ему приходилось не между правовой и неправой властью, а между твердой властью и смертью. Да и власть не столь уж «криминальная», вернее, не более криминальная, чем любая другая власть в XIII—XVIII веках. Учитывая эти обстоятельства, нынешние шансы России выглядят более весомыми.

Права человека в политическом опыте России. Доклад профессора Э. Соловьева представляет собой краткое изложение результатов большого исследования, концептуальной основой которого является утверждение, что права личности — не цель и не средство, а ценность сама по себе. Именно так они складывались в Западной Европе в процессе борьбы за веротерпимость. В России права человека никогда не имели этих интуитивно-ценностных корней. В условиях господства сакрального этатизма права человека приходили в виде пожалований сверху.

Новая эпоха в отстаивании базисных прав личности связана со Всеобщей декларацией прав человека, принятой ООН в 1948 году. Идея прав человека активно проникает в другие страны и становится оружием критики тоталитарных режимов. В 60—70-е годы оформляется правозащитное движение в СССР. Принятие в 1975 году заключительного акта Хельсинкского соглашения придало новые силы правозащитному движению, оно стало массовым, и именно из него выросла перестройка.

Современное положение дел с правами человека в России не однозначно, этатизм и патернализм пытаются взять реванш. Отдельные заявления и

политические действия некоторых российских руководителей позволяют предполагать, что утвердился инструментальный утилитарно-прагматический взгляд на права человека. Это делает сомнительной саму возможность осуществления указанных прав в будущем. И все же ситуация медленно меняется: появляется гражданское общество, растет общественная инициатива, основным способом отстаивания прав граждан становится не жалоба, а обращение в суд. Права человека постепенно обретают в России корни в виде массовой ценности, что служит наиболее верной гарантией от возможности реставрации антиправовых общественных систем.

Демократична ли наша «демократическая традиция»? Доклад профессора Д. Скэнлана «Посткоммунистический взгляд на две демократические традиции» был посвящен развенчанию мифа о том, что тоталитарный режим большевистской России — логическое завершение одной из двух известных демократических традиций. Первая — англо-американская традиция — делает упор на свободе. Вторая, идущая от Руссо и Великой французской революции — французская традиция, — делает упор на равенстве. На Западе оформилась устойчивая тенденция рассматривать режим большевистской России с его демократической и особенно эгалитарной риторикой как прямого продолжателя и наследника второй традиции. Из этого следовали два вывода: 1) режим большевиков хотя и плохой, но все же демократия крайне эгалитарного направления; 2) вторая традиция ведет в тупик, а ценность равенства — опасная, прокладывающая дорогу тоталитаризму.

Скэнлан опровергает как общую установку, так и оба вывода. Он считает, что тоталитарный режим Сталина и Брежнева не имеет ничего общего ни с демократией, ни с эгалитаризмом. Равенство никогда не было работающей ценностью ни в Советской России, ни в СССР. В действительности существовали диктат КПСС, привилегии для партийных функционеров, исключительные права для одной только партии следовать своим целям. Все это никак не похоже на эгалитарную общественную модель.

Миф, который развенчивает Скэнлан, далеко не безобиден. Из него, в частности, в России делается далеко идущий политический вывод: перенос акцента в системе общественных ценностей с равенства на свободу. Американский ученый предостерегает Россию от чрезмерной и односторонней увлеченности свободой, которая не менее опасна, чем чрезмерное равенство. Демократическая Россия должна позаботиться как о свободе, так и о равенстве, поскольку в ее недавней истории не было избытка ни того, ни другого. То, что в действительности нужно России, — гармония двух ценностей или, иными словами, социальная справедливость.

Нужно заметить, что фальшь эгалитарной риторики Сталина была отмечена многими и очень рано. Например, Л. Троцкий уже в 1938 году писал: «Сталинизм восстановил наиболее оскорбительные формы привилегий, придал неравенству вызывающий характер, задушил массовую самостоятельность полицейским абсолютизмом, превратил управление в монополию кремлевской олигархии и возродил фетишизм власти в таких формах, о которых не смела мечтать абсолютная монархия» [2].

Наверное, существуют более глубокие причины того, что равенство и социальная справедливость оказались сейчас в России «не у дел». Они связаны с корыстными интересами получивших экономическую власть социальных групп.

Посткоммунистическая демократия в России. Профессор И. Пантин посвятил свой доклад «Посткоммунистическая демократия в России: основания и особенности» проблемам формирования демократии в современной России. Центральная идея доклада выражена в понятии «посткоммунистическая демократия» — нечто среднем между тоталитаризмом и демократией. Это переходный период, при котором власть уже не тоталитарная, но еще не демократическая.

Неизбежность такого переходного периода Пантин объяснял супертоталитаризмом прежнего государства, отсутствием субъектов преобразования, неподготовленностью страны к демократическим переменам, апатией большинства населения и т. д. В этих условиях были возможны только революционные методы, и лишь государство могло выступить гарантом преобразований. Само государство

еще долгое время сохраняет негативные черты прежнего строя — неравенство, несправедливость, бюрократию — и даже присоединяет к ним новые, например коррупцию и мафию.

Я вполне согласен, что реальность нашей страны такова, как ее описал Пантин. Любая демократия в любой стране имеет свои особенности и предполагает возможность отклонения от нормы, но вряд ли стоит превращать отклонения в норму. В противном случае мы дискредитируем само понятие демократии. Думаю, всякое вводимое в политологический оборот понятие должно иметь не только научный, но и прагматический и даже моральный смысл. Какой прагматический смысл может иметь понятие посткоммунистической демократии, кроме оправдания существующего зла? Конструкция Пантина несет в себе все классические слабости теодицеи. Доказательство конструктивной роли зла всегда граничит с антигуманизмом.

Образы демократии в России. В одноименном докладе, подготовленном профессорами Т. Алексеевой и В. Межуевым, были рассмотрены некоторые, получившие распространение, ложные представления о демократии. Они сводятся к трем основным: 1. Демократия как рыночная реформа и вообще рынок. 2. Демократия как сильная президентская власть. 3. Демократия как антикоммунизм.

Наиболее вредное заблуждение представляет отождествление демократии с рынком, при котором рынок к тому же получает значение самооценности. По своей сути демократия не имеет прямой связи с рынком, наличие которого может так же создавать угрозу демократии, как и его отсутствие. Демократия предполагает возможность обуздания рыночной стихии во имя торжества свободы и равенства.

Апология рынка в нашем обществе связана с вопиющей социальной несправедливостью и имеет целью закрепить за государственно-чиновничьей иерархией не только политическую, но и экономическую власть. Под знаменами рынка быстро происходят сращивание экономической и политической власти, образование плутократии, громадная поляризация бедности и богатства, а все это грозит демократии.

Не менее опасно и второе заблуждение. Гарант демократии — государство с его системой сдержек и противовесов, но никак не представитель исполнительной власти, каковым является президент. Особенно опасно отождествлять президента с какой-либо одной политической силой.

Тем более не имеет ничего общего с демократией антикоммунизм. Особенность демократии в том и состоит, что она допускает любую идеологию, в том числе и коммунистическую.

Все эти заблуждения свидетельствуют о важном обстоятельстве — дефиците демократической культуры в нашем обществе. Выясняется, что нельзя просто перенести институты демократии в другую среду. Демократию следует «прививать» к дереву собственной культуры, решая повседневные вопросы рутинного демократического управления. Революционные методы принципиально несовместимы с демократией.

Искаженные представления о демократии, действительно, имеют место. Они свидетельствуют о том, что сами по себе формальные институты демократии могут приобретать любое, в том числе и недемократическое, содержание, если лишаются исходного ценностного смысла как институционального воплощения принципа социальной справедливости. В докладе Алексеевой и Межуева верно поставлен диагноз детской болезни нашей младенческой демократии — дефицит социальной справедливости.

Демократия и Конституция. Доклад профессора С. Чижкова «Конституционный процесс и развитие демократических институтов в современной России» был посвящен проблемам формирования либерально-демократических институтов в России и прежде всего Конституции. Оценивая Конституцию в целом как правовой документ, Чижков подчеркнул неравноценность ее разделов. Наиболее совершенным, по его мнению, является раздел, определяющий права и свободы человека, где отражены все международно признанные стандарты прав человека, и права эти имеют силу прямого действия.

Наибольшую критику ученого вызывает раздел «Президент и его полномочия», который закрепляет за главой государства слишком большую власть, граничащую с нарушением принципа разделения властей.

И все же нельзя ставить знак равенства между демократией на уровне Конституции и даже законодательства и демократией как системой действующих в обществе норм и отношений. При всей важности демократически развитой Конституции реальная действительность может наполняться совершенно иным содержанием.

Политическое сознание России. По мнению профессора К. Гаджиева, политическое сознание России в принципе не поддается типологизации и классификации. По этой причине привычные оценки здесь не срабатывают. Тем не менее политическое сознание имеет свои особенности: преобладание государственного способа мышления, этатизм и одновременно боязнь государства; конфликтность, противоречивость, мобилизационный тип развития; коллективизм и т. д. Однако эти особенности не противоречат демократическим макроструктурам, и демократия в России вполне возможна. Более того, она возможна только при условии подключения чисто российских политических традиций (например, рыночная экономика и государство не могут не быть социальными), именно эти не востребованные до сих пор традиции могут стать предпосылкой творческого подъема России.

Демократия и гражданское общество в России. Эта проблема была центральной в докладе профессора Р. Апресяна. Она же стала и центральной проблемой всего симпозиума. Гражданское общество — корневая система демократии, и от того, в какой степени оно развито (или может быть развито), зависит в конечном итоге судьба демократии в России.

В докладе Апресяна содержались некоторые важные выводы относительно становления гражданской активности населения в постсоветской России. В целом выводы, основанные на анализе социологических фактов, имели неутихоительный для сторонников демократии характер.

Исследуя установки массового сознания, Апресян обратил внимание на специфический социально-гуманитарный смысл слова «демократия» в России. Оно было знаком отрицания авторитаризма и репрессивного общественного порядка. Понимаемая таким образом демократия приобретала, скорее, разрушительный, нежели созидательный характер, и ассоциировалась прежде всего со свободой, причем со свободой в традиционном российском смысле — как независимостью и волей, свободой для себя и необязательностью по отношению к другим. В условиях отсутствия должной политико-правовой реорганизации общества понимаемые так демократия и свобода не могли не обернуться освобождением от порядка вообще, растущим бесправием простого человека. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться консерваторы, обвинив в развале государства политиков, навязавших стране демократические ценности.

Приведенные Апресяном результаты опроса общественного мнения свидетельствуют о растущем разочаровании населения в демократии и о стремлении к порядку любой ценой. Порядок при этом понимается как жесткий закон, чуждая, сверху давящая сила, не оставляющая места для прав индивида. В этих условиях демократические правовые тенденции не находят себе места.

Процесс либерализации сопровождался колоссальным обнищанием основной массы населения, очевидным неравенством стартовых возможностей, явными преимуществами для выходцев из бывшей номенклатуры. Привычка к социальному паразитизму по-прежнему сильна и в условиях свободы приобретает особенно уродливые формы рэкета, коррупции и бюрократии. Тем не менее свобода как возможность самостоятельного выбора признается в качестве ведущей ценности большинством населения.

Авторитаризм также не сдает своих позиций. Роль авторитарного центра фактически взяли на себя региональные элиты, сложившиеся на уровне субъектов федерации. По мнению Апресяна, реального местнического духа по-прежнему

нет, как нет и стремления к самоорганизации в отстаивании своих прав и интересов. Апресян обратил внимание на замкнутый круп люди не озабочены отстаиванием своих прав, поскольку четко не сформулированы их гражданские интересы, но и свои интересы они не могут выразить, так как лишены действительных прав, защищенных от посягательства государства и криминалитета (а чаще некоего симбиоза того и другого). Понятно, что в этих условиях не приходится говорить о гражданском обществе.

Отдавая должное аргументированности и концептуальной стройности доклада, не могу не заметить, что некоторые выводы имеют спорный характер. На мой взгляд, понятие демократии в нашей стране было изначально сопряжено не только со свободой, но и с равенством. Многие из нынешних представителей власти завоевали популярность именно благодаря критике партийных привилегий. Огромный потенциал демократии был заложен в правозащитных движениях, отстаивавших равенство основных прав граждан. Другое дело, что, дорвавшись до вождельной власти, большинство прежних ниспровергателей напрочь забыли о своем праведном гневе и восстановили для себя привилегии (демагогически прикрытые ссылкой на ценности рынка) в неслыханных прежде масштабах. При этом страна оказалась на грани развала, а народ в нищете. И все это происходило под знаменами и идеологическими кличками демократии. Стоит ли удивляться, что 48% населения высказываются против демократии.

Между тем население (как свидетельствует Апресян) высоко ставит ценность свободы. Это доказательство того, что тоталитаризм не имеет более шансов в России. Отвергая демократию как идеологическое прикрытие недемократического по сути режима, народ по-прежнему принимает свободу и равенство как истинное содержание демократии.

Неубедительно выглядит и тезис о гражданской пассивности населения. Мой личный опыт говорит, напротив, об усиливающейся экономической и политической активности людей в русской провинции. Да, их активность наталкивается и на незнание своих прав, и на противодействие бюрократии, и на нищету подавляющей части народа и интеллигенции в особенности. Но тем не менее она есть, о чем свидетельствуют образование политических партий и движений, создание культурных объединений, различные формы экономической деятельности.

Заключение

Симпозиум, разумеется, не ставил своей задачей прийти к общим выводам, хотя и продемонстрировал практически совпадение точек зрения на сущность демократии.

Я согласен с профессором Олденквистом, что демократия должна иметь стержневой смысл. По своему содержанию она представляет власть народа и для народа, а по форме предполагает наличие таких необходимых институтов, как разделение властей, выборность должностных лиц, наличие гарантированных прав и свобод человека. Тем не менее, в отличие от Олденквиста, я не считаю демократию ценностью в себе. Она является инструментальной ценностью как наилучшая государственная форма для воплощения ценностей свободы и равенства. Более того, она может содержать угрозу как свободе (это убедительно, показал Нарвесон), так и равенству.

Постиндустриальное общество, по всей вероятности, будет обществом с высокой степенью автономности личности и широким информационным обменом, Демократия приобретает значение цивилизационного фактора, отказ от нее означает отказ от благ цивилизации и высоких технологий. Альтернативой демократии становятся самоизоляция и низкое качество жизни.

Демократия невозможна без определенной культуры, содержание которой профессор Купперман определил в понятиях свободы и равенства. Современная, демократическая форма общественного устройства возможна там и тогда, где и когда складываются благоприятные внешние и внутренние условия: отсутствие

внешней угрозы существованию народа; достаточная степень распространённости в обществе ценностей свободы и равенства. Иными словами, наличие индивидов, дорожающих своей свободой, готовых принять на себя связанную с ней ответственность, уважающих свободу других, обладающих достоинством и требующих уважения своих прав наравне с правами других.

Необходимость демократии для России ни у кого из выступавших не вызвала сомнения, тем не менее никто не обнаружил ни предпосылок, ни условий демократии в России, подобных тем, которые сложились в Америке или в Западной Европе.

Вопрос о демократии в России — в конечном счете вопрос о том, имеем ли мы эти условия. Историческое прошлое России мало связано с демократией, как это показал в своем докладе профессор Кантор. Но это не основание для того, чтобы отрицать возможности демократии сейчас, когда изменились внешние условия. Все решают условия внутренние.

Не разделяя распространенный скептицизм, считаю, что эти условия есть. Ценности свободы и равенства достаточно широко представлены в нашей богатой культуре. Живы, например, традиции казачества, о чем свидетельствует его бурное возрождение. Разумеется, становление демократии в нашей стране встречает немало трудностей. Одна из них — ложные образы демократии, по незнанию или злему умыслу распространяемые в общественном сознании.

Симпозиум позволил поставить диагноз детской болезни нашей младенческой демократии — одностороннее увлечение свободой (Скэнлан), понимаемой к тому же как воля и произвол (Апресян), вопреки ценности равенства, которая в действительности не менее необходима для демократии. Это создает опасный дисбаланс, грозящий новыми общественными потрясениями. Чрезмерная ориентация правительства России на либертарно-анархические модели общественного развития и ошибочные воззрения общественного сознания привели к очевидным противоречиям между ценностями свободы и равенства, а следовательно, демократией и социальной справедливостью. В обществе формируется опасное заблуждение о социальной справедливости как достоянии социализма, не имеющем отношения к рынку и демократии. Между тем демократия неразрывно связана с социальной справедливостью. Современная либеральная теория особенно подчеркивает это обстоятельство. «Справедливость есть первая добродетель общественных институтов, подобно тому как истина — систем мышления» [3]. Так начинается свой знаменитый труд «Теория справедливости» представитель современной либеральной теории Д. Раулс.

Политическая наука России способна устранить это противоречие. Здесь может помочь теоретический потенциал американской теории справедливости, пока еще не освоенный отечественной политологией, а также наш собственный исторический и практический опыт. В этой связи я предлагаю представителям политической науки создавать информационно-исследовательские центры, которые взяли бы на себя задачи координации и информационно-методического обеспечения демократических процессов на местах. Такой центр недавно был открыт в Рязани при региональном отделении Российской политологической ассоциации. Возвращаясь к идее Н. Бердяева о будущей судьбе России, замечу, что, пожалуй, впервые мы получили возможность не быть заложниками истории. Постараемся не упустить предоставленный шанс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев И. А. Судьба России. М., 1990.
2. Троицкий Л. Их мораль и наша // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 115.
3. Rawls J. A Theory of justice. Cambridge. Mass., 1972. P. 3.